

Р. Максүтов

ДВЕ ВЫСОТЫ Талипа НУРКАЕВА

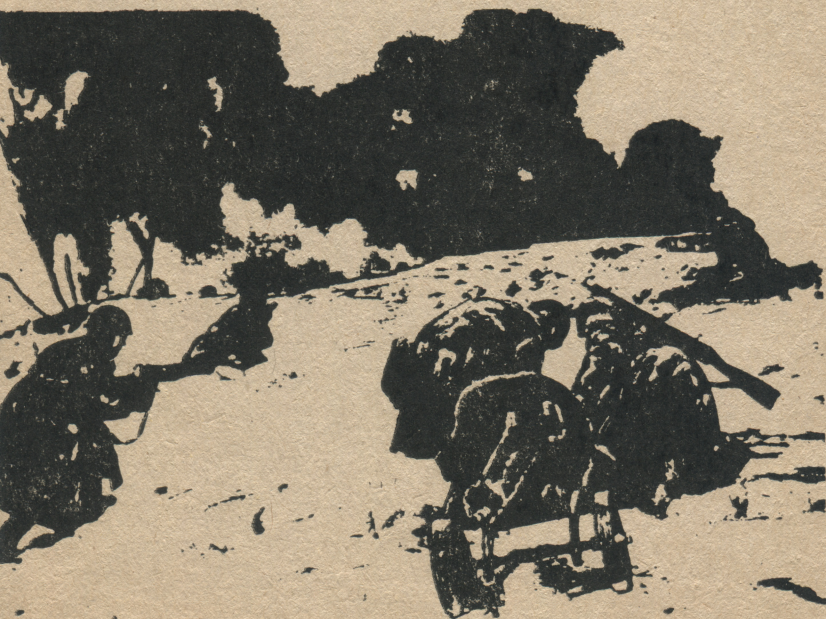
Герои Советского Союза

5 кон.

**«...никому не дозво-
лено преуменьшать
значение ратного и
трудового подвига со-
ветского народа в Ве-
ликой Отечественной
войне!»**

Маршал
Г. К. ЖУКОВ

Герои Советского Союза

Герои Советского Союза

Р. Макслютов

**ДВЕ
ВЫСОТЫ**
Талипа
НУРКАЕВА

Башкирское книжное издательство
Уфа — 1983

Меня не перестает поражать его лицо. Точнее, почти черно-белая контрастность эмоций на нем. Запомнился он мне еще в 1959 году, когда я, слесарь установки по обессоливанию и обезвоживанию нефти, участник художественной самодеятельности, аккомпанировал танцорам. В зале, в скоплении обветренных, загорелых, улыбающихся лиц нефтедобытчиков выделялось одно — с тяжелым, немного давящим взглядом, с крупными, как бы накрепко пригнанными к друг другу чертами. И вдруг, когда один из танцоров сделал забавное движение рукой, человек улыбнулся. И все лицо его как бы осветилось изнутри, словно он сбросил привычную маску и мгновенно надел другую, как актер-трансформатор.

Танцоры, как бы наступая, начали оттеснять меня за кулисы, и я успел заметить на его темно-синем костюме звезду Героя Советского Союза.

Мы не раз встречались на собраниях, праздничных торжествах, даже сажали как-то на субботнике деревца... Но говорить с ним мне, девятнадцатилетнему парнишке, не приходилось. Внешняя суровость как бы окружала его «силовым полем»,

отторгающим любые вопросы. Меня особенно привлекало то обстоятельство, что Героем он стал в девятнадцать лет — в возрасте, в каком тогда я был сам. Но эта деталь в то же время как-то угнетающе действовала на меня, рождая ощущение собственной никуданегодности.

... Первый промысел «Туймазанефти» издавна является наиболее яркой частью истории башкирской нефти.

До сих пор храню в душе ощущение какого-то праздника, когда идешь на работу с нетерпением и с неохотой шагаешь вечером на вахтовую остановку. Может быть, есть в моих словах что-то мальчишеское и наивное, но тем не менее я благодарен судьбе за то, что хоть и недолго, но довелось работать рядом с Героем Советского Союза Талипом Латыповичем Нуркаевым.

В центральной аллее уютного Комсомольского парка, по обеим ее сторонам, выставлены портреты знатных людей Октябрьского. Нефтедобытчики, строители, фарфористы, машиностроители, учителя, работники культуры. И среди них — портрет Нуркаева с уже знакомым пристальным взглядом.

Много лет прошло, прежде чем я решился написать о нем. Мы долго и подробно говорили с Нуркаевым о войне — о высочайших взлетах человеческого духа, о доброте и жестокости, о любви и ненависти, о долге и памяти. Нуркаев не облекал священных для нас понятий в драпировку из красивых эпитетов, даже в его грубоватых шутках по поводу или без повода, но непременно касавшихся подробностей жестокой военной беды, вставала правда — та, которая порой даже дороже награжденных документов.

Мне приходилось говорить с Талипом Латыповичем в суматошные предотъездные дни, когда он собирался в Москву на XXV съезд партии, и в стареньком домике, где помещался участок первого промысла, и в его уютном, добротнo срубленном доме в пригороде Октябрьского — селе Заитово...

— Талип Латыпович, ох и упрямы же Вы были, наверно, в детстве? Умели за себя постоять?

Нуркаев, все еще продолжая держать в руках громоздкий клапан — объяснял на нем устройство противотанковой гранаты, — на мгновенье замолчал и тут же широко улыбнулся:

— С чего это ты взял?

— Да так... кажется.

— Было... — охотно согласился он, кладя клапан на подоконник. — Спуску обидчикам не давал, кидался даже на тех, кто посильнее меня. Наверно, свой маленький рост компенсировал... вот этим упрямством, неуступчивостью. А что, заметно? — В голосе его было какое-то простодушие.

— Немножко угадывается...

— Ну, жизнь сама вывернет человека наизнанку, особенно — война. Сколько раз приходилось видеть такое: иной в учебной части или перед боем ходит петух петухом, грудь вперед, замашки лихие, глотка луженая. А на деле, когда придет час — мокрая курица. И наоборот: невзрачный, стеснительный, как говорится, вдоль стенки ходит — а в бою не узнать. Нет, не зря говорят, что пустая бочка шумит громче.

В деревне Устюмово, что в Бакалинском районе, семья Нуркаевых была на виду. Не в силу каких-то особых заслуг ее главы Латыпа агая. Он трудился конюхом, пчеловодом — да мало ли кем приходилось работать в те годы в колхозе. Были они на виду и пользовались негромким, но прочным уважением за неистовое трудолюбие, за постоянную готовность придти на помощь к другим — будь то обычные житейские неурядицы или о м э (трудно произнести это слово по-русски), когда «миром», обществом помогают кому-либо строиться, убрать сено, вырыть колодец и прочее. Семья была довольно большая — шестеро детей. Двое старших умерли, среди остальных Талип был старший и самый беспокойный. Детство как детство тысяч и тысяч других мальчишек, выросших в деревне, с ранними мозолями на руках и прочным сознанием ответственности за младших в семье, работа наравне со взрослыми, нехитрые игры, о которых и понятия не имеют нынешние мальчишки, золотые костры в ночном, трепещущее серебро окуньков на куканах из ивового прута, влажные бока лошадей, когда после купанья мчишься верхом, высоко вскидывая локти.

Отец был строг, но пальцем не трогал никого в семье, и лишь когда его тяжелый взгляд ненадолго останавливался на переносице натворившего что-нибудь старшего Талипа, у того сразу неуютно становилось где-то в животе... Я не видел фотографии отца Талипа Латыповича, но не от него ли вот этот испытывающий, прощупывающий взгляд у сына?

Отец умер в тридцать восьмом, и Талип внезапно, как это бывает, почувствовал, что он в свои тринадцать лет стал, оказывается, взрослым. Брату

Хатипу было одиннадцать, двум сестрам и того меньше. Что уж говорить о двухлетнем Лябибе... Мать, Рагида апай, старалась подкладывать Талипу, кормильцу, куски получше, украдкой смахивая слезу.

Война принесла те же испытания, что и миллионам наших людей. Деревня лишилась надежной мужской силы. Все легло на плечи подростков и детей. И частенько, собираясь где-нибудь за околлицей или на задах чьего-либо подворья, тайком покуривая жестокий крупный самосад, подростки на пальцах высчитывали, когда их призовут. И отчаянно завидовали Талипу и тем, кто постарше — они-то успеют на войну! Перебивая друг друга, доказывали преимущество летчиков над танкистами, конников перед пехотинцами. Что касается Талипа, то иначе, как верхом на коне, с шашкой на боку и карабином за плечами он себя не мог представить. Наверно, потому, что с тех пор, как стал осознавать себя, постоянно вертелся среди лошадей. И, глядя порой в их добрые, умные глаза, он всрился, что они великолепно понимают его.

Дети играют в войну... И сейчас сплошь да рядом можно видеть мальчишек, с криком гонящихся друг за другом с самым разнообразным оружием в руках — от фабричных пластмассовых пистолетов, автоматов и ручных пулеметов до самодельных, самых фантастических конструкций. Идет это, наверно, от немыслимо далекого прошлого, от заложенных нашими пращурами законов, когда мужчина непременно становится воином, защитником, охотником, добытчиком.

Моим сверстникам, которым сейчас за сорок, не довелось знать других игр, потому что отголоски войны звучали в их душах еще очень долго. Только мы зачастую играли настоящим, правда, уже не-

годным — нашим и трофейным — оружием, которого было в изобилии на железнодорожных платформах, в кучах металлолома близ грузовых пакгаузов железнодорожных станций. Случалось, находили и исправное оружие с боекомплектom, и иногда происходили трагедии...

А сверстникам Талипа, допризывникам, война дышала прямо в лицо.

День призыва, которого он ждал с яростным нетерпением, пришел как-то буднично, деловито. Проводы, пожелания крепче бить проклятого врага, не уронить чести отцов и братьев, живых и павших.

Теплушки тряслись на стыках, досадили последние домашние харчи — путь был долг и пока еще почти безмятежен. Везли их куда-то на юг, мимо вагонов текла грустная желтая степь. И редкие тихие станции и разъезды лишь подчеркивали, что до конечной станции еще далеко.

Астраханское училище, куда привезли новобранцев, сразу же дало понять, что призывная воляница кончилась. Суконные гимнастерки и брюки, мучения с обмотками — ко всему этому привыкали не только физически, но и внутренне, постепенно сознавая, что сейчас у тебя нет ничего личного. Личное — необходимость выучиться на полноценного командира. При достаточной строптивости Нуркаева подчиняться всему этому было не так-то легко, пререкания вели к нарядам вне очереди. Тем более, что мечта о гнедом друге, на котором он не-

пременно ворвется в Берлин, отступала на неопределенное время...

Подъем, зарядка, учебные классы, марш-броски, стрельбы. Томительное ожидание давило на него, впрочем, не только на него, порой заставляя забывать, что жестокость военного времени требует и определенной жестокости в подготовке к боям.

Он еще не подозревал, что у человека существует так называемое второе дыхание. Однажды их подняли по тревоге. Выстроили во дворе крепости, где располагалось училище, и, приказав надеть липкие, пахнущие резиной противогазы, с полной боевой выкладкой заставили пробежать через всю Астрахань. И тогда-то Талип понял, что все, чем они занимались до этого — как говорится, цветочки. Волоча по камням мостовой грохочущие ботинки, яростно поеживаясь от назойливых струек пота, стекавших по телу, он думал об одном: сорвать проклятую маску, сбросить всю амуницию (Кроме оружия,— добросовестно уточнил он про себя.— Я ж боец) и рухнуть тут же. Как выдерживает такое сердце?

И вдруг, когда до ворот крепости оставалось с полкилометра, он почувствовал странное и опустошающее, радостное чувство облегчения... Командир роты Кузнецов объяснил, что это и есть второе дыхание, что в человеке столько заложено, что он даже не подозревает.

За стенами старинной крепости шумела жизнь. В редкие часы увольнений Талип с удивлением ловил себя на мысли, что прежнего, «гражданского» настроения у него поубавилось основательно — в нем явственно крепла та самая военная «косточка», о которой не раз говорил ребятам начальник училища. Талип бродил по городу, казалось, насквозь пропитанному запахом рыбы и кожи, слушая крики

погонщиков, восседавших на огромных фурах, захаживал в кинотеатр, смотрел старые довоенные ленты, казавшиеся прекрасным и грустным сном, стоял среди сосредоточенных горожан, слушавших рвущийся из репродуктора суровый голос Левитана. Ему начало казаться, что он совершает какое-то преступление, отлеживая бока в казарме, потроша штыком дурацкие чучела и всаживая пулю за пулей в рогатые силуэты мишеней. Старший лейтенант Кузнецов, стремившийся на фронт не меньше своих подопечных, успокаивал:

— Навоюетесь, хлопцы. Досыта навоюетесь...

Талип не выдержал — вместе с несколькими парнями написал рапорт. Начальник училища вызвал их к себе.

— На фронт, значит? Та-ак... Все изучили, все поняли? Теперь сам черт не брат? Вы что — считаете себя умней командования? Я, по-вашему, не хочу воевать? За чужими спинами отсиживаюсь? А не дошло еще до вас, что на войне — убивают?! Что армия остро нуждается в младшем командном составе? Чтоб я больше вот этого — начальник помахал кипой рапортов — не видел! Повторится — наложу взыскание. Кру-гом!

Талип занимался с каким-то ожесточением... Почему до него все не доходит очередь? Вот уже два раза приезжали откуда-то молчаливые и неприступные офицеры, и после их отъезда, правда, ненадолго, пустовали чьи-нибудь койки в казарме.

Однажды во время стрельб, когда после серии выстрелов Талип втиснул очередную обойму в окно ствольной коробки, кто-то тронул его за плечо.

Оглянулся — Кузнецов.

— Ну-ка, ну-ка, еще раз. Ты что, занимался стрельбой до войны?

— Это в деревне-то, товарищ старший лейтенант?

— Ну, скажем, охотник?

— Да нет, какая там у нас охота. Просто на допризывной подготовке пришлось пострелять — и все.

— Ладно, продолжай в том же духе.

После стрельб Кузнецов задумчиво оглядел его.

— У тебя точный глаз, Нуркаев. Не хотел бы я попасть к тебе на мушку, — пошутил он. — Гляди-ка, мне не уступил. Я, брат, с малолетства этим балуюсь. Вот что, Нуркаев, будешь оружие пристреливать. Заодно и руку набьешь.

Такое доверяли не каждому. Любая винтовка имеет свой характер, несмотря на то, что она — серийная, результат конвейерного производства. Из одной нужно целиться «под обрез», из другой — в центр мишени, третья требует выноса мушки влево или вправо, четвертая... В обязанности Талипа входило как бы разгадывать эти особенности и фиксировать их. И с запоздалым теплым чувством он вспоминал старшего лейтенанта Кузнецова позднее, в боях, когда явственно видел, как далеко за разтрубом пламегасителя пулемета подкошенно валяются фигуры не фанерных, а настоящих врагов.

Кузнецов явно выделял его и курсанта Санькина — парня, которого военная служба, казалось, так и ждала сама. Резкость команд, согласный топот ног, звук трубы, звяк затворов, запах сгоревшего пороха — все это возбуждающе действовало на веселого, неунывающего парня, он словно купался в будничных армейских заботах. Даже начальник училища взял его на заметку.

И день настал...

Объявили общее построение. Холодок в груди:

назовут ли твою фамилию? И дрогнули колени, когда услышал:

— Нуркаев!

А в казарме, уткнувшись лицом в подушку, лежал Санькин: его оставляли в училище готовить очередное пополнение. Время от времени он поднимал голову и облегчал душу закрученной многослойной руганью...

... Утром, как удар плетью:

— Подъе-е-м!

Сформировавшаяся часть называлась пятнадцатой запасной бригадой. Ребята ворчали — значит, опять неведомо когда попадешь на фронт. Командиры понимающе поглядывали на нетерпеливых, жадных до впечатлений курсантов, и в глазах их читалось: «Ох ребята, ребята, какие вы еще желторотые! Придет час — всего насмотритесь, всего хлебнете. Дорожите пока каждой мирной минутой...»

Но, что бы там ни было, а несколько месяцев в стенах училища дали много. И главное — появился вкус к военной профессии.

— Нет, в училище мне особо трудно не было. Наверно, потому, что как-то внутренне готовил себя к войне. Ну и характер непоседливый, беспокойный, как ни странно, выручал. А хмурым, вялым людям в армии, тем более, на войне — трудно. А меня вот этот азарт частенько поддерживал... Когда учились, войну себе представляли очень серьезно — все ж не мальчишки уже. Конечно, кое-

какое романтическое представление еще оставалось: крики «ура!», сокрушительные атаки, немцы «капут!» орут, руки поднимают. И это, впрочем, тоже позже бывало... Ты знаешь, наверно, что человек в одно мгновение может прозреть? Этот процесс куда более мучительный, чем медленное освобождение от старых понятий и представлений. Шок наступает... Когда мы через Сталинград проезжали, смех и разговоры в теплушках как обрезаю... Это был какой-то страшный сон. Да что там сон... Развалины, устоявшийся запах гари, обугленный кирпич, запах горелой плоти... «Как же здесь жили и дрались люди? Разве такое можно выдержать человеку?» — спрашивали мы себя. В том, что, оказывается, можно, пришлось позже убедиться самому. Но впечатление от Сталинграда было как раз тем потрясением, о котором я только что говорил.

Нас куда-то везли. А куда — этого нам, солдатам, знать, конечно, не полагалось. Ехали долго. Помню: ночь тревожная такая. Еще издали увидели, как горизонт пылает. Какой уж тут сон. Даже обрадовались, когда поезд остановился и послышалась команда «Стройся!» Стоял в строю, и такое чувство — словами не объяснишь — охватило. Вот, думаю, я и на войне. Сколько же отсюда верст до родного Устюмово?

И, конечно, не только я думал в тот момент о доме, о самых дорогих людях.

Ну, слышим, наконец, главную команду — «Шагом — марш!» Ты представляешь себе, что это значит — пройти с полной боевой выкладкой 40 — 50 километров за ночь? И хоть сотни раз говорилось и писалось об этом, но, действительно, тяжело в ученье, легко в бою. Не один из нас добрым словом училищного командира роты Куз-

нецова вспоминал. Особенно тот марш-бросок с противогазами... Так вот, на этом настоящем марше мы убедились, что для солдата значит хорошо накрученная портянка, правильно намотанная обмотка, ладно пригнанное снаряжение. Некоторые со стертymi до кровавых мозолей ногами пришли. А я, между прочим, помощник наводчика пулемета Дегтярева, второй номер. А сам пулемет весит ни много, ни мало полпуда с гаком да магазин с патронами около трех кило. А если через плечо брезентовая сумка с тремя такими дисками?.. Появилось хорошо знакомое желание бросить все и рухнуть на землю. И лежать, лежать, пока не спадет с тебя эта лошадиная усталость. Все ж дошли. И повалились в окопы близ какой-то деревни. А бой вот он, рядышком. Автоматный треск, гранатные разрывы. И чудной сон какой-то снился — будто на лодке плыву, и качает меня, и баюкает на волнах. Это когда я уж уснул в окопе под грохот и выстрелы... Проснулся разом, словно кто-то в бок толкнул. Озираюсь спросонья, а земля так и танцует подо мной, дышит тяжело, чуть не стонет, как будто ей и впрямь больно.

Подняли в атаку. Ничего толком я тогда так и не понял, как и другие, наверно. Бежим, стреляем, кричим. Потом выяснилось, что мы сумели полдеревни отбить. Наутро я первого фашиста увидел. Чуть-чуть не по себе, конечно, стало... Молодой парень, руки разбросаны, глаза настежь, автомат прямо на лице. Подумал: «Вот она, судьба, по что пошел, то и нашел». Была ли к нему ненависть? В тот момент нет. Скорее, недоумение, брезгливость. И... жалость к нему чуть-чуть. А ненависть... Ненавидеть мы научились попозже.

Пути познания особенно тяжки на войне. После этого были многочисленные бои. Их, необстрелянных ребят, затянуло сразу же в круговорот схваток, в которых постигались азы фронтовой науки. Талип уже не кланялся без нужды пулям, накрепко усвоив, что свиста той, предназначенной тебе, не успеешь услышать. Мог уже угадывать, куда упадет бомба, спокойно спать под грохот и вскакивать, едва умолкнут выстрелы, голодать и наслаждаться нехитрыми солдатскими радостями. И лишь одного не преодолел в себе до конца — легкого страха перед минометным обстрелом: не угадаешь, куда она, подлая, угодит. Они так и звали немецкие минометы — «скрипунами».

Ожесточались ли? Было и это, когда горести, утраты, тесня душевную теплоту, превращались в лютую ослепляющую ненависть. Не каждому потом, после войны, удалось залечить такие вот душевные раны, сжигавшие сильнее, чем увечья.

В одном из украинских сел, освобожденных с налету, увидели картину, которая надолго врезалась в память. У обочины дороги лежала истерзанная молодая женщина, а рядом, сидя на земле, теребила ее за плечо крошечная девчушка: «Мамо, вставай, пойдем, мамо!» Солдаты подхватили девчушку на руки. Стиснув зубы, белыми от ярости глазами смотрел Талип поверх голов товарищей и молил бога: только б не попались сейчас на глаза пленные!

Привыкнуть к смерти нельзя, хотя и приходилось хоронить ребят одного за другим. Но это были солдаты, и никто не знал, когда ждать осколок, снаряд, пулю, отлитые для тебя. Смерть была принадлежностью их долга. Но когда гибли женщины и дети, порой не хотелось жить.

Мы много слышали о доброте и отходчивости наших солдат. Да, они отчетливо сознавали свою ответственность, свою миссию солдата-освободителя. Понимали, что враг, взятый в плен, уже не враг, и на него распространяются иные законы. Какой же силой внутреннего достоинства и выдержкой надо было обладать, чтобы держать себя в руках, в то время как ты, например, получил письмо, в котором сообщается о страшной участи твоей семьи...

— Талип Латыпович, Вам попадались люди, которые... ну, как бы это выразить... долго не могли прийти в себя после войны?

— Я понял твой вопрос. Это те, что сжились с фронтовым армейским бытом, привыкли к постоянному душевному напряжению, и эта резкая смена войны миром как бы выбивала их из привычной жизненной, пусть суровой и жестокой, колеи. Попадались, как же.

А мне вспомнился в этой связи фильм Ларисы Шепитько «Крылья», где главная героиня, фронтовая летчица, мечется в мирной жизни, тычется во все углы, как подбитая птица. Несколько лет назад я познакомился с одним бывшим фронтовиком, который, по рассказам его жены, долгие годы после войны вскрикивал по ночам и лихорадочно искал портупею с кобурой на спинке кровати...

Бывают у солдата особенно дорогие для него награды. Не по значимости своей, не по статусу, а по тому, что она — самая первая, самая памятная, как знак признания твоей солдатской зрелости и стойкости. Нуркаеву вот так дорога солдатская, очень ценимая фронтовиками медаль — «За отвагу».

Бой за станцию Апостолово запомнился ярко, во всех деталях. И не потому, что он был особенно кровопролитным, были сражения и пострашней. Стояла нуднейшая дождливая погода, оружие покрывалось холодными водяными пузырьками, плащ-палатки дышали сыростью. Солдаты то и дело оставляли сапоги в непролазной грязи и с руганью тащили их за ушки из топи, стоя, подобно цаплям, на одной ноге с размотавшимися портянками. Где-то покрикивали паровозы. Нуркаев обрадовался: станция — это дело, выходит, на колеса сядем. Взвод повалился — кто куда — в чавкающую земляную кашу, собираясь с силами. Выстрелы, доносившиеся из-за домов, были нервными, прощупывающими.

— Какого черта не окапываешься, Нуркаев?

— Больно надо! — огрызнулся тот. — Скоро все равно в атаку.

— Разговорчики! — прошипел командир роты. — Окапывайся, сейчас тут такое начнется...

Ожесточенно поминая бога, черта и его батьку, солдаты вгоняли в жирную скользкую землю саперные лопатки.

Командир оказался прав — бой вспыхнул внезапно. «Вперед!» Вытерев о штанину испачканные землей руки, Нуркаев, волоча диски и коробку с инструментами, скользя и падая, побежал за первым номером Николаем Антошкиным.

На станцию внезапно пал туман. В крошечной беловатой мгле сумели перерезать железную дорогу. И тут неожиданно появившееся солнце разогнало белую завесу. Пулеметы и автоматы стальным дождем секли прилегающие к станциям улицы — то там, то сям падали темные фигурки немцев. Антошкин бил мастерски, экономными точными очередями.

«Патроны, Нуркаев!» Талип, придерживая одной рукой карабин, другой не глядя протянул наводчику магазин — и рука не почувствовала привычной легкости, когда у тебя забирают из руки тяжелый предмет. Он повернул голову и холодом обдало спину — Антошкин лежал, уткнувшись окровавленной головой в ствольную коробку, и пальцы правой руки все еще судорожно царапали землю. Талип, стиснув зубы, осторожно перевернул его на спину, взял пулемет, забросил на спину карабин, прихватил сумку с боезапасом, прощально взглянул на товарища, бросился в сторону — надо было менять точку, здесь уже начало припекать. Пришлось остановиться — соскочила защелка, и диск сорвался с пулемета. Встав на колени, заправил непослушный скользкий магазин, броском занял удобную позицию и открыл огонь, отчетливо видя, как пули находят цель. На мгновение резанула мысль об Антошкине, но протяжный хриплый крик: «Та-анки!» — заставил еще сильнее вжаться в землю. И тут же пересохло во рту.

Показались танки, облепленные пехотой.

— Бей по броне! — донесся крик командира. — Ссаживай пехоту к чертовой матери!

Талип перенес огонь на черные угловатые коробки, проступившие в дыму, удовлетворенно отмечая, как подобно комьям грязи отваливаются от брони автоматчики. Где-то за спиной тяжело и резко ахнула пушка, и столб искр поднялся над одним из танков. «Рикошет, — понял Талип. — Ничего себе сноп». Машины рвались к мосту, некоторым удалось уже прорваться на настил. Но, содрогнувшись от удара, один из танков развернулся на уцелевшей гусенице, загородив дорогу остальным. Теперь уже множество огненных трасс тянулось к этому скопищу танков, безошибочно находя цель.

Завязался бой на улицах. Дав остыть пулемету, короткими перебежками меняя позицию, Талип бил по окнам домов, по мечущимся в дыму фигурам. Все смешалось: из одних и тех же дверей выскакивали то наш боец, то ошалевший от схватки немец; скоротечные бои разыгрывались на огородах, во дворах, в переулках. То там, то здесь факелами вспыхивали дома. Талип со сжавшимся сердцем подумал на мгновение, каково же приходится женщинам, старикам и детям, попрятавшимся в погребах и подполах.

— Конница! — крикнул кто-то.

Талип мгновенно сменил магазин и вновь припал к пулемету. Тяжелые немецкие кони с жалобным ржаньем переворачивались через голову, давя и сбрасывая с себя седоков и, обезумев, носились по улицам. И на бесконечно малый миг совсем уж не к месту мелькнули в памяти Нуркаева деревенская околица, бархатные губы лошадей, тянущие прозрачную речную воду...

Только после боя Нуркаев почувствовал непереносимую жажду и усталость. От взмокшей гимнастерки валил пар.

Командир роты, увидев его с пулеметом и одного, понял все. Спросил только:

— Насмерть?

Талип, не в силах говорить, кивнул.

— Ребята, склады отбили! — вывел его из сонного оцепенения чей-то крик.

Такого богатства за всю свою восемнадцатилетнюю жизнь Талипу видеть еще не приходилось... Богатства, награбленного с тщательной немецкой расчетливостью. Тут было все — и продовольствие, и одежда, и разная утварь. Бойцы ошеломленно ходили меж аккуратных стеллажей, дивясь про себя

какой-то нахальной предусмотрительности и хозяйственности фрицев.

А на улицах творилось что-то невообразимое. Там, где только что был ад крошечный, появились ликующие люди, и в этом взрыве радости поначалу не бросались в глаза их потрепанная одежда, исхудалые лица, впавшие глаза. Мальчишки липли к бойцам, клянча целые патроны. Девчата, прихорашиваясь на бегу, с налету обнимали солдат, прижимаясь к их грязным лицам своими испачканными гарью щеками. Талипу вдруг с хватающей за сердце ясностью стало понятно, что ради вот таких вот минут можно вынести все — даже невозможное.

Всех событий военных, да и не только военных лет, конечно, не удержит память. Намертво вчеканивается в нее то, что проходит через сердце. Но в какой-то миг всплывают не очень-то значительные, казалось бы, случаи, словно освещающие каким-то иным светом смысл твоей солдатской судьбы, твоих военных дорог.

Известно, что на территории Украины были села, в которых жили потомки немецких колонистов, поселившихся здесь многие десятилетия назад в результате сложных исторических событий. Когда части 34-й Енакиевской дивизии под командованием генерал-майора Браэльяна ворвались в одно из таких поселений, глазам их предстали аккуратные, крытые черепицей островерхие дома, тщательно ухоженные приусадебные участки. Многие хозяева — те, у кого были причины бояться прихода наших войск — убежали, не успев забрать с собой портретов «обожаемого» фюрера.

Что-то тревожное, чужое было в этой тишине, четкой прямизне улиц, крашенных резных штакет-

никах. Нуркаев отдыхал с ребятами из своего отделения. Вечерело.

И вдруг слышались звуки, от которых солдаты, занимавшиеся кто чем, начали поднимать головы. Нуркаев мгновенно все понял и выскочил на крыльцо.

Над пустынной улицей плыло облако пыли, подсвеченное закатной киноварью. Шло стадо. Вечерний воздух наполнило мычанье. Коровы разбрелись, заворачивая к знакомым воротам. Солдаты высыпали во двор. Нуркаев прикрыл глаза — так явственно и остро повеяло домом. Коровы, упитанные, гладкобокие, знаменитой голландской породы, нетерпеливо бодали ворота, но не все распахивались перед ними. Животных начали распределять по другим дворам — наступало время вечерней дойки.

Сморщенный дед в теплом кожухе, волоча по земле длинный бич, появился как-то незаметно. Испытующе посмотрел на бойцов, оглядел оружие, задержал взгляд на погонах.

— Пришли, значит, сынки...

И присел рядом. Скрутил гигантскую «козью ножку», поочередно беря табак из щедрых солдатских кисетов. Снова взглянул на погоны.

— Когда ввели-то?

— В сорок третьем.

— Оно и верно. Негоже российскому солдату без погон.

— Дед, растолкуй-ка, что это тут происходит? Стадо — домой, а дома — никого?

Дед посмотрел на Талипа.

— Тут, хлопчик, вишь какое дело. Когда немцы и они — он показал на ряд особенно добротных домов — близкий гром слышали, по-шустрому собирались. Ну, смекнул я, что и скотиняку беспрременно с собой заберут. Чи перестрелять мо-

гут — чтобы, значит, и сам не ам, и другим не дам. Так я заховав то стадо в гаю. Места эти с детства знаю, ни один нечистый меня там не сыщет.

— Значит, ты сохранил скотину?

— А кто ж? — Старик с достоинством обернулся к говорившему. — Ей же цены нет.

— А ну — узнали б немцы, что ты...

— Та расстреляли бы. Або повесили.

— А как же дойка? Да еще в лесу?

— Та нашлись добрые люди.

— Герой ты, дедушка.

Мысли о том, что человек познается на изломах общей судьбы, в общей беде, оформились у Нуркаева позже, когда к нему пришла слава. Но его вдруг удивил этот щуплый старик — он показался ему воплощением спокойной мудрости, основанной на главном — на вере в добрых людей.

— ... страх? Не мы с тобой первые, не мы последние задаем себе этот вопрос и не раз придется еще задавать. По-моему, если бы природа лишила человека этого чувства, мы бы стали какими-то автоматами, что ли. Конечно, был! Ну, как это объяснить... Привыкаешь. Нет, не к страху своему, конечно, иначе он тебя в тварь превратить может. Война — это работа, труд, самый тяжелый на свете. И простейший арифметический расчет: если я его не прикончу, то он — меня,.. А к опасности привыкнуть можно. Не замечать ее нельзя, ты постоянно помнишь о ней. На то тебе и голова дана, чтобы к минимуму свести эту самую опасность, не рисковать по-глупому.

— Кто-то из наших известных пилотов сказал, что если бы у летчика-испытателя был хвост, все бы видели, как его поджигают...

— Вот-вот, в самую точку попал. Тут все одно к одному — чувство локтя, самолюбие, без этого воевать нельзя. И главное, конечно — понимание долга... Всегда страшно перед атакой. Кажется, никакой техникой тебя из земли не выковырять. Или вот у меня такая особенность была: боялся при форсировании в воду лезть. Бой кипит — это дело, вроде, привычное. А вот как подумаешь, что сейчас надо в воду залезать... И стоит окунуться — весь страх как рукой снимает...

Нуркаев помолчал немного.

— Мы не любим разных там громких слов, а понятия Родина, народ ощущаешь на фронте в отдельные моменты с такой огромной силой, что к горлу ком подкатывает. Все мелочи, глупые ссоры, обиды, которых в обычной жизни, казалось бы, не простил никому ни за что — все это таким мелким, неважным кажется. Сам посуди: каких-то неполных девятнадцать мне было. Вырос в деревне, родился при Советской власти, прирос к ней, как мясо к кости — попробуй оторви. И нет мне ничего ближе, чем она. Она — как мать, отец, братья, сестры... Все хорошее и плохое, что бывало — это наше. Как говорится, семейное.

Вспоминая эти слова Нуркаева, я припомнил еще один разговор — с бывшим фронтовиком летчиком-истребителем Абузаром Инсаповичем Гайнутдиновым. Мой собеседник тогда затронул еще одну важную тему — тему фронтовой дружбы. Гайнутдинов как-то своеобразно определил сущность дружбы на войне. «Понимаешь, в мирной жизни дружба не так часто подвергается таким жестоки испытаниям, как на войне. Ты можешь дружить

пятнадцать-двадцать лет и в один прекрасный день рассориться — даже навсегда. Будешь мучиться, но эта травма зарубцуется рано или поздно. А ссора фронтовых друзей, да еще ссора «на смерть» — это открытая кровоточащая рана, которая может и не зажить никогда...»

Кто-то из советских писателей заметил с горечью, что после окончания войны вдруг начали умирать люди: страшное перенапряжение физических и духовных сил резко сменилось расслаблением, и посыпались болезни, ранее загнанные внутрь усилием воли и необходимостью. Не зря писал замечательный фронтовой поэт Семен Гудзенко:

Мы не от старости умрем,
От старых ран умрем...

Нуркаев с каким-то легким удивлением вспоминал бой на Буге 19 марта сорок четвертого.

Только что сошел лед. Бойцы стояли по грудь в воде несколько часов подряд, отбивая атаки нападающих гитлеровцев. То здесь, то там, коротко вскрикнув, падали друзья, роняя оружие, и быстрое течение сносило их тела. Несколько часов в ледяной воде — такое могут понять только те, кто сам испытал это. Гвоздила артиллерия, вода кипела... Когда вылезли, наконец, на берег, Талип с каким-то изумлением оглядел себя и подумал: «Может быть, есть свой бог у солдата? Выжил ведь!» И даже ощущал себя.

Едва уселись сушиться, как кто-то из бойцов испуганно воскликнул:

— Братцы, что это?!

Все взглянули на него. В глазах бойца застыл ужас: ноги его были похожи на чудовищные толстые бревна с пугающим синюшным отливом.

— Приняли ванну... — мрачно подытожил кто-то.

— Ни одна холера нас не возьмет, — успокаивающе сказал бывалый автоматчик, выжимая брюки. — Подсохнем, примем вовнутрь две-три наркомовские нормы и айда минут пятьсот на каждый глаз. Как рукой снимет.

Так оно и оказалось. Нуркаев, рассказывая об этом, улыбался, покачивая головой.

— Сам иной раз удивляюсь сейчас. Иной раз ветер в форточку фукнет — и готово, насморк. А то и осложнения дурацкие. А тогда...

Он как-то весело-беспечно махнул рукой.

Вскоре после этого боя Талип прикрепил к гимнастерке орден Славы третьей степени.

Звездный час сержанта Нуркаева был еще впереди.

Безымянная высота 107/5 у Днестра, бугрившаяся между селами Чоборучи и Раскайцы, позднее была названа именем Василия Ломакина. Они, одиннадцать человек, еще не знали и не могли знать, что с этой высоты начнется знаменитая Яско-Кишиневская операция. Что здесь установят обелиск с выбитыми на нем именами одиннадцати человек — живых и мертвых. Нуркаев рассказывал об этом спокойно, только вздрагивали уголки темных глаз. И сколько бы за эти прошедшие десятилетия ни приходилось перелистывать страницы памяти перед корреспондентами, перед затаившей дыхание аудиторией или просто друзьями, невидимое для посторонних волнение охватывало его.

... Талип Латыпович стоял на знакомой высоте. Та же величественная, прекрасная панорама Днестра, тогда, в те дни, враждебного, выжидающего. Вымахали деревья. Обелиск с именами ре-

бят. Вот тут, у крутого изгиба траншеи, погиб Василий Ломакин.

В 1970-м Талип Латыпович встретился с теми, с кем служил в 34-й Енакиевской под командованием генерала Браэльяна И. один из участников встречи, радостный, взволнованный пришел домой, поделился с женой впечатлениями и прилег отдохнуть. И не встал больше.

Война хватала живых через четверть века.

Бывалого солдата не проведешь — в войну эта бывалость приходит за несколько недель пребывания на переднем крае. По мельчайшим приметам: по многозначительной деловитости штабных офицеров, по тому, как подолгу пропадает на различных совещаниях командир, по обилию новичков в необмятых «хэбэшках», по тому, что вдруг начали кормить до отвала — по всему этому, висящему в воздухе, мелькающему в разговорах, можно было с уверенностью сказать, что готовится крупное наступление.

А весна — настоящая, южная, молдавская — наступала широко, буйно, властно. Вот-вот были готовы окутаться веселой зеленой дымкой острокопечные тополя. Это была особенная весна — очищена Украина, немцы стремительно откатываются на Балканы. Настроение в войсках приподнятое. В минуты раздумий Талип сравнивал себя с тем — нетерпеливым, горячим, пришедшим на войну год назад. Теперь он уже на равных толкался в солдатском кругу — на груди поблескивали «Слава» третьей степени, орден Отечественной войны, медаль «За отвагу». Он настолько врос в солдатскую семью, где братство было скреплено кровью, что

иногда с легкой грустью подумывал: а что он будет делать после того, как отгромыхают последние залпы и придется расстаться с боевыми друзьями?

Но сначала надо было еще дожить до дня Победы.

— Товарищ генерал, лейтенант Васильев был по вашему приказанию.

Генерал Браэльян пригласил сесть.

— ... Вот такое дело поручается вам, лейтенант. Не скрою: риск смертельный.

— Война вообще дело смертельное, товарищ генерал.

... Васильев вел штурмовую группу к Днестру. Шли скользящим непривычным шагом, готовые при малейшей опасности раствориться в сумраке и тишине. Задача была нелегкой: форсировав реку, внезапным ударом захватить высоту 107/5 между селами Раскайцы и Чоборучи, господствовавшую над местностью. Бросать в атаку крупное подразделение не было смысла. Немцы насторожились бы сразу, поняв, что начинается крупная операция.

Группа осторожно опустилась к Днестру. Он лежал перед бойцами, покойно разлившись по низине, поблескивая тусклыми красками предрассветной поры. Нуркаев почувствовал обжигающий холод воды — сразу вспомнилось их «купание» на Буге. Нервно застучал на том берегу МГ — немецкий пехотный пулемет, воду вспенили трассеры.

Васильев понял, что форсировать реку в том месте не удастся. Было принято решение: прикрываясь берегом и нависшими над водой деревьями,

продвинуться дальше, переправиться и обходным маневром попытаться овладеть высотой.

Лодки, сносимые течением, прибило к противоположному берегу. Кажется, пока все идет нормально. Пока...

Ползком, прячась за камнями, вжимаясь в воронки, бойцы добрались до подножия высоты. Ее вершина рельефно, словно вырезанная, выделялась на фоне светлеющего неба. Перебежки, бесшумное плавание по взрытой земле — и страшный в своей молчаливости последний бросок. А через несколько мгновений тишина взорвалась выстрелами, разрывами гранат, криками. Атака была построена настолько грамотно тактически, что фашисты так и не успели понять, что к чему, и оказались вышибленными из траншей, а наши бойцы уже деловито обживали свой крошечный плацдарм... Немцы откатились вниз. Только теперь Талип окончательно понял, почему командование так стремилось занять эту высоту: вся окрестность была как на ладони.

— Ну, ребята, давай устраивайся, — сказал Васильев. — Теперь держись, ходу назад нет.

Установили пулеметы — в самых уязвимых местах, на стыках траншей, там начиналась и сбегала вниз лесопосадка. Подготовили гранаты, «освободили» от оружия убитых немцев да и траншеи от них самих.

Ждать пришлось недолго.

Кто из нас, нынешних, может себе представить весь драматизм этих цифр: одиннадцать человек (именно столько осталось от штурмовой группы) в течение тридцати шести часов отбили семнадцать атак!

За торопливым словом команды или предостерегающим криком следовал шквал огня. Высота плевалась свинцом, казалось, с каждого квадратного

метра своей вершины. Бойцы перебежали с места на место, молниеносно меняли позиции. Немцы бросались на высоту с отчаянием обреченных — приказ был неумолим.

Нет ничего тяжелее, чем хрупкая тишина в перерыве между атаками... Васильев обошел все огневые точки. Потом присел на корточки, снял каску...

Их теперь оставалось десятеро.

— Идут! — крикнул кто-то.

Нуркаев, срезав из «дегтярева» группу, просочившуюся со стороны лесопосадки, освободил место у пулемета товарищу и бросился туда, где, судя по всему, приходилось особенно жарко. На бруствере возникла фигура. Талип стрелял по-охотничьи, навскидку...

Он осторожно выглянул из траншеи. Склон был густо усеян неподвижными фигурами. Кто-то кричал пронзительным заячьим голосом, от крика свербило в ушах. К подножию, спотыкаясь и падая, бежали уцелевшие.

— Шестая атака... — устало прохрипел Гриша Коробов.

Фляжки опустели, горло раздирало от жажды. Воспаленными, запорошенными пылью глазами они смотрели на Днестр — он по-прежнему был безмятежно спокоен. Блеск воды вызывал мучительную спазму.

— Худо с патронами. — Васильев коротко взглянул на Нуркаева.

Тот показал на трупы немцев.

— Да, — кивнул лейтенант. — Выхода нет. Дождемся, пока стемнеет. — И отставил в сторону ставший уже ненужным ППШ. Задумчиво подбросил в руке трофейный «шмайсер». — Что ни говори, умеют фрицы делать оружие. Хорошая игрушка для ближнего боя.

— Да и приятнее, товарищ лейтенант, когда их колотишь ихним же оружием,— подал голос тот же Гриша Коробов.

Когда на высоту пали сумерки, несколько человек, чутко вслушиваясь в дыхание тишины, скользнули вниз по склону. Стаскивали с убитых автоматы, вынимали из-за голенищ широких солдатских сапог запасные магазины, отцепляли гранаты-колотушки с длинными деревянными ручками и, переводя дыхание, валились на дно траншеи.

Еще одна атака. Отбили...

Это просто сказать — отбили. А если подумать, что каждая вылазка за оружием могла оказаться последней? Если учесть, что их осталось семеро?.. Час назад — это потом людская признательность обернется печально-торжественными словами: «Обессмертил свое имя» — час назад слышался какой-то шум, ругань и высокий, захлебывающийся крик Ломакина: «Прощайте, ребята!» — и режущий уши грохот гранаты. Погибая, Ломакин унес с собой нескольких немцев.

Васильев был ранен. Позднее Нуркаев скажет о себе: «Я везучий — ни одной раны, кроме контузии...»

Такая тишина повисла над высотой, что не хотелось даже шевелиться. Всегда кажется нелепым, противоестественным тот самый выстрел, что обрывает эту тишину.

Очередная атака...

Никто из почерневших от усталости, еле волочивших ноги ребят не сорвался на истерику: почему нет помощи, сколько можно?! — что было бы, наверно, по-человечески понятно. Опытные воины, они хорошо понимали, что их группа — крошечная частица огромной войны, а на войне случается всякое. В одно верили твердо — о них не забыли.

Федор Жило ткнул Талипа в бок.

— Глянь-ка, Нуркаев, вроде мертвяков-то у них меньше стало.

— Точно...— Володя Глазунов удивленно вглядывался в откос высоты.— Сколько поклали за день, а тут — на тебе... В глазах, что ли, у меня двоилось, когда в них стрелял?

— Да они тела утаскивают! — догадался Нуркаев и присвистнул.— Это, значит, чтобы у нас настроение при их виде не поднималось. Ну и ловкачи...

— Внимание, хлопцы!..

И вновь ударили из семи стволов.

... Когда сзади раздалось протяжное нестройное «ура», все семеро растерянно взглянули друг на друга. Сомнений не было — к ним, тяжело дыша, бежали люди в родных плащ-палатках. Кто-то огромный с налету тревожно взглянул в лицо, вкусно обдав запахом махорки.

— Живы, черти полосатые!

Семеро живых — лейтенант Васильев, Федор Жило, Григорий Коробов, Пантелеймон Гнучий, Владимир Глазунов, Григорий Рыжов и Талип Нуркаев — стояли плечом к плечу в пропыленных изодранных гимнастерках. Усталость, сжигавшая их изнутри, словно выплеснулась на лица.

Генерал Браэльян с каким-то жадным и пытливым интересом вглядывался в них.

— Сколько тебе лет, сержант? — остановился он перед Нуркаевым.

— Девятнадцать, товарищ генерал.

Генерал шагнул к строю, обнял кого-то. Потом, отойдя к правофланговому, расцеловал каждого по очереди.

— Ребята, вы сами не знаете, что вы сделали... Волнение не давало ему говорить. Он махнул рукой:

— Отдыхать!

Известно, каков солдатский отдых в пору горячего наступления. Небольшая передышка, чтобы прийти в себя, и снова в бой.

Однажды командир вызвал Нуркаева и еще нескольких бойцов, тех, что дрались с ним на безымянной высоте, оглядел их с ног до головы и безо всяких в таких случаях расспросов о настроении и самочувствии коротко сказал — как отрубил:

— Поедете на учебу.— И, помолчав, добавил:

— Командование считает, что офицерские погоны вам будут к лицу.

— Куда? — спросили все в один голос.

— В город Николаев.

Душевное состояние друзей в тот момент нельзя было определить каким-то одним словом. Первая реакция: какая еще учеба, до Берлина вон еще сколько топать! И подспудная мысль: а ведь отдохнуть немного от боев и в самом деле не мешает.

Им, к тому же, дали понять, что никакие отнекивания да рапорта не помогут. Да и вряд ли они имели смысл. Война по-прежнему выводила из строя массу командиров младшего и среднего звена. И, конечно, особенно ценились офицеры, прошедшие через огонь боев.

Николаев так Николаев, солдатское дело — подчиняться. И вдруг оказалось, что едут они в Уфимское пехотное училище. Тут уж радости Талипа не было предела — с ума сойти, едет на родину! Вот это подарок судьбы так подарок! Точнее, судьбы в лице командования. Неужели училищное начальство не разрешит хоть на пару дней отлучиться в Устюмово? Уговорит, чего там!

Потекла обычная вагонная жизнь с бесконечными разговорами, махоркой, размышлениями о будущем, рассуждениями на самые отвлеченные темы. И не только на отвлеченные. Был прямой резон потолковать о политике — еще в части по брошенным вскользь словам Талип начал понимать, что одним разгромом фашистской Германии дело не кончится: с востока явно тянуло порохом. О многом говорили и эшелоны, безостановочно мчавшиеся с запада. Зачехленные автомашины с характерными контурами гвардейских реактивных минометов, танки, стремительные силуэты укутанных брезентом истребителей, длинные стволы самоходок...

Учеба в училище вспоминалась как будни, низанные друг на друга. Резкий переход от лихорадочного фронтового бытия к размеренной, регламентированной жизни причинял поначалу необъяснимое ощущение какого-то неудобства. Но он уже не был тем деревенским пареньком, что, озираясь, вступил когда-то в ворота Астраханского училища. За плечами были не просто бои, скупые радости и студящие сердце горести утрат. Эти полтора года вместили, по сути дела, целую жизнь, если брать ее в обычном измерении. Пришла суровая мудрость солдата, для которого понятие «Родина» стало символом самого святого на земле. И ему не приходила в голову простая мысль: «До чего же я еще отчаянно молод!»

Учебные классы, плац для строевой подготовки, от которых они основательно отвыкли и с ворчанием бывалых вояк привыкали заново. Тактика, политзанятия. И скоро на имя начальника училища стали поступать рапорта с просьбами отправить назад, на фронт. Слова, мотивировавшие просьбы, были

просты и безыскусственны: хочу драться за родину, не желаю отсиживаться в тылу. Ответы были стереотипны: сначала кончите училище.

... Сентябрь сорок четвертого выдался теплым и ласковым, над Уфой повисла легкая дымчатая мгла. После занятий Талип прилег отдохнуть. Он уже засыпал, когда кто-то бесцеремонно дернул его за руку. Открыл глаза — на него внимательно смотрел дежурный офицер, старший лейтенант. Нуркаев встал, застегнул гимнастерку. Глаза слипались — еще не проснулся толком.

— Нуркаев, у тебя брат есть?

— Есть, а что?

— Да вот тут...— офицер помахал свернутой в трубочку газетой и озабоченно сказал:

— Тут вот Указ напечатали о присвоении Героя. И Нуркаев есть.

— Мало ли Нуркаевых среди татар, — с трудом подавляя яростную зевоту, ответил Талип. — А братишка еще молод, чтобы воевать.

— Ага...— так же озабоченно сказал старший лейтенант, — Ну ладно, отдыхай.

Талип снова прилег, тут же забыв о старшем лейтенанте. Сон совсем уже сморил его. И опять он почувствовал, что его самым непочтительным образом трясут за плечи и кто-то орет прямо в ухо:

— Нуркаев, черт, да это ж о тебе написано. Да еще о двоих ваших!

... Они ничего толком не соображали. И лишь когда объявили общее построение и начальник училища поздравил их троих, ошарашенных, растерянных — дошло, что все происходящее — явь.

Талипу подумалось: что же, в сущности, изменилось после этого события? И понял; с еще боль-

шей силой потянуло на фронт. Золотая Звезда никак не хотела становиться некоей надежной стеной, за которой — казалось бы, с полным правом на это — можно было подумать о себе. О себе — вне войны.

... Четвертым, погибшим, звание Героя было присвоено посмертно.

— Талип Латыпович, вы трое так и не знали, что вас к Герою представили?

— И думать не думали. Нет, мы, конечно, знали, что без наград не останемся, бой-то был действительно не из легких. Но чтобы звезда такой пробы... И мысли не было...

— Успели еще повоевать?

— Нет, на фронт я больше не попал. Герой ты или нет — ты в армии и изволь-ка подчиняться дисциплине. Закончил училище, когда уже был отвоеван мир. Конечно, была мысль остаться в армии. А вот не представлял, что война так быстро скажется на здоровье. И, потом, уже жениться успел. В отпуск в деревню приехал. Работала там счетоводом девушка одна, Масхуда. Вот и поженились. Демобилизовался в сорок седьмом в звании младшего лейтенанта. Ну, а дальше, сам понимаешь — другая жизнь, другая песня.

Встречаясь с Нуркаевым, я думал о том, что дело, очевидно, не только в почти гипнотическом воздействии на меня звания Героя Советского Союза. Мне видится закономерность в его дальнейшем жизненном пути. Герой в силу определенных нравственных качеств никак не может плестись позади событий. Однако вторая высота — уже неф-

тяника Нуркаева — была еще далеко впереди. Ему, успевшему до призыва в армию поработать в колхозе помощником пчеловода, после демобилизации пришлось учить школьников военному делу (и тут он в который уж раз вспоминал своего первого военного наставника в Астраханском училище Кузнецова). Кроме того, познал он вкус и нелегкого председательского хлеба — некоторое время руководил колхозной артелью.

Можно сказать, что судьба Нуркаева связана с истоками Большого девона — Туймазинского месторождения. Период с осени сорок четвертого по пятьдесят первый год, год поступления его на промысел, явился как бы преддверием к расцвету нефтяных Туймазов.

Провозвестником нефти в этом регионе был, как известно, академик Иван Михайлович Губкин. И Туймазы сыграли в свое время, пожалуй, роль не меньшую, чем сейчас — кладовые Тюмени. Не случайно на сотой скважине установлена мемориальная доска. Почти миллион тонн дала фонтанированием «бабушка» девонской нефти, пока ее не перевели на другой способ эксплуатации. И вряд ли кто сомневался в том, сколь значительным был вклад туймазинских добытчиков в дело окончательного разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии.

Нет ничего удивительного в том, что Талип Нуркаев пришел на промысел номер один треста «Туймазанефть». Нефть и «родившийся» от нее Октябрьский, ставший с годами красивым зеленым городом, притягивали население окрестных сел и деревень. Одной из важнейших задач, входивших в грандиозный план восстановления народного хозяйства, было создание многочисленного квалифицированного отряда нефтяников. Им-то и обязана

страна стремительным ростом добычи «черного золота», каждый килограмм которого тогда был действительно на вес этого благородного металла.

Первыми учителями-наставниками Нуркаева были заслуженные нефтяники республики И. Бикбаев, З. Гарифуллин, В. Куликов. В тресте их предупредили: «Посылаем к вам парня. Герой Советского Союза. Учтите: понятие о нефти у него — на нулевой отметке. Надеемся на вас...»

Попробуем на минуту представить себя в их роли. На такого не прикрикнешь по-свойски, если он даже заслуживает этого: как-никак на груди — Золотая Звезда.

— Характер-то у Нуркаева и тогда не слишком покладистый был,—говорил мне как-то Владимир Спиридонович Куликов,—Ничего, притерлись друг к другу. Жадным до работы оказался, толковым. А это ж в любом деле — самое главное.

Они сумели нащупать ту самую струну, что дает первый тон: мы уважаем тебя, Талип, спасибо тебе за великое мужество. Но на работе мы равны, тебе по сути дела все надо начинать сначала.

Нуркаев сумел понять и должным образом оценить это. И до сих пор глубоко благодарен им. И этот урок требовательности, чуткости и доброжелательства пригодился ему спустя много лет, когда он сам стал наставником молодежи.

В начале пятидесятых годов — это широко известный факт — началось падение добычи нефти. Точнее, появились его первые признаки. Дело в том, что повсеместно нефть шла самотеком, фонтанировала за счет природного пластового давления. И вот налицо первые тревожные сигналы... Был разработан метод законтурного заводнения — поддержания

пластового давления путем закачки воды в пласт. Чуть позже появился новый метод, точнее, разновидность предыдущего — внутриконтурное заводнение. Эти меры-то и позволили почти до середины шестидесятых годов до вать жидкость преимущественно наиболее выгодным в экономическом отношении способом — фонтанным. Широкое распространение нашли погружные электроцентробежные насосы, количество их росло из года в год, совершенствовалась конструкция... Технологи изыскивали новые методы воздействия на пласты с целью повышения их нефтеотдачи.

Нуркаеву определенно повезло в том отношении, что он попал именно на знаменитый первый нефтепромысел. Он оказался непосредственным свидетелем и участником начала массового движения за коммунистический труд. Почин станции Москва — Сортировочная жить и работать по-коммунистически первой в управлении подхватила бригада по добыче нефти и газа, руководимая Федором Безбородовым. И как результат творческого отношения к труду, взаимной требовательности, неукоснительного следования девизу «один за всех, все за одного» — присвоение бригаде в 1958 году звания коммунистической. И что примечательно — бригада Безбородова стала первым коллективом коммунистического труда в Башкирии. Вообще, надо сказать, в те годы особенно первый промысел отличал очень дружный, работающий коллектив, царила удивительная атмосфера какого-то подъема, во многих начинаниях запевалой выступала молодежь. Свежую струю в деятельность коллектива влил отряд молодых ребят, только что окончивших институты — инициативных, беспокойных, думающих.

... Все бывало в биографии Нуркаева-нефтяника: и аварии, и неожиданности, и критические

ситуации, и победы. Он стал горячим поборником идеи автоматизации добычи нефти, одним из первых среди старших операторов закончил учебный комбинат, получил смежную специальность электрика. А новейшая по тем временам система диспетчеризации — ЧТ-2К — была смонтирована при его непосредственном участии. Намного облегчился труд операторов, которые во время обхода своих скважин иной раз проходили за вахту до десяти-двенадцати километров.

Можно назвать этапным период внедрения автоматической замерной установки «Спутник», разработанной Октябрьским филиалом института ВНИИКАнефтегаз и заводом «Нефтеавтоматика», «Спутник» стал одним из главнейших звеньев современных автоматизированных промыслов.

К экономической реформе Нуркаев был готов. За полтора десятка лет стал старшим оператором. Наверно, его счастьем было и то, что на промысел он пришел в самое сложное и интересное время — время его становления. И вместе с ним прошел путь роста. Был и освобожденным председателем промыслового комитета профсоюза, бессменным членом партийного бюро.

На счету Нуркаева — несколько важных рационализаторских предложений. В частности, он предложил использовать высвободившиеся газовые коллекторы. Многие специалисты возражали: газовые трубы рассчитаны на работу в иных условиях, при других давлениях. Нуркаев доказал, что запас прочности в них достаточен. Было сэкономлено много цельнотянутых, более дорогих труб.

Оператор — профессия негромкая, не «эффектная», как, скажем, профессия буровика, о которой так часто пишут в газетах.

Что такое оператор? Это не просто определенная сумма навыков и знаний, ограниченных, так сказать, функционально. Это чутье, реакция и... преданность своему нелегкому делу. Именно преданность, ибо соблазн уйти на спокойную, под крышей, работу в тепле всегда присутствует. Нужен зоркий глаз, смекалка. Следи за давлением на «Спутнике», на устье скважины. Перепад давлений — значит, парафин забил трубы. Нужны срочные и единственно эффективные меры в этот момент. Автоматика автоматикой, но и сам не плошай.

В 1974 году старший оператор четвертого промысла Хурматулла Идиатуллович Казимов выступил с инициативой, которая предполагала принятие и выполнение конкретных пунктов сообязательств, позволяющих трудиться более эффективно и увеличивать добычу нефти. Эту идею подхватили его товарищи — старшие операторы кавалеры ордена Ленина Саитшараф Халыфеев и кавалер ордена Октябрьской Революции Михаил Казаков. Через некоторое время, тщательно взвесив свои возможности, они сформулировали четкий и ясный лозунг: «От каждой скважины — максимум нефти!» Инициатива нашла отклик во всех подразделениях НГДУ «Туймазанефть», позже — во всех нефтегазодобывающих управлениях республики. Всего за год добытчики четвертого промысла извлекли более 3600 тонн, а НГДУ в целом — более 23 тысяч тонн нефти сверх задания.

Ценность почина заключалась еще и в том, что в осуществлении лозунга «От каждой скважины — максимум нефти!» приняли самое активное участие не только операторы, но и рабочие других профессий — ремонтники, слесари, электрики, подготовители нефти, транспортники и другие.

... Зима 1975—76 года выдалась капризной

и суровой. Метель сменялась жестокой стужей. Сдав вахту, Нуркаев ушел домой. вдруг телефонный звонок. В трубке — встревоженный голос мастера Николая Андрианова:

— Латыпович, строители сборный коллектор порвали...

Нуркаев, не сдержавшись, помянул виновников крепким словом и бросил:

— Сейчас буду.

Работали до глубокой ночи. В добыче нет аварийных бригад как таковых, никакие ссылки на кого-нибудь не берутся во внимание.

Сколько их было, таких срочных вызовов, за тридцать лет работы...

Нуркаев отчетливо видел, что, несмотря на укрупнение звеньев производства, централизацию промыслового хозяйства, обслуживание скважин оставляет желать лучшего. Сказывались рецидивы старой системы: несогласованность между различными службами, бесконечные трения с цехом подземного и капитального ремонта скважин, промахи геологов, исследователей...

Мысль Нуркаева начала приобретать все более конкретные очертания. К конечной продукции — нефти — причастен комплекс служб. Но частая несогласованность их действий в конечном счете приводила к одному — простоям и, значит, к недобору.

Окончательно созревшая мысль не была, впрочем, чем-то принципиально новым. Однако инерция привычки у людей — самая тяжелая инерция. Он поделился своими соображениями со специалистами, посидел над выкладками. Потом собрал своих.

Разговор был долгим и нелегким. Нелегким потому, что кое-кто предпочитал отмалчиваться, ду-

мая про себя: «Что это за новость — «каждой скважине комплекс мероприятий»? Ведь все равно приходится проводить текущую обработку — профилактику, ремонт. Да и вообще каждая скважина под надзором специалистов в любом случае. Не получится ли, как в пословице: «У семи нянек дитя без глазу»?

Другие прямо высказывали свои сомнения. Нашлись и откровенные противники. Все это Нуркаева не удивило и не обескуражило: так бывает в любом новом деле.

— Я предлагаю строго плановую работу,— возражал он своим оппонентам.— Прежде всего, мы должны знать точно состояние подземного и наземного оборудования. Второе — конкретные сроки выполнения мероприятий. Третье — резкое улучшение исследовательских работ на скважинах. Что это значит? А то, что теперь за скважину будут ответственны все службы, от электрика до главного геолога. При такой системе никто не решится отмахиваться — мол, есть дела поважней и посрочней. Потому что будет четкий план, под которым все подписались.

— Вот мы операторы с большим стажем,— продолжал он.— Как говорится, собаку в своем деле съели. А ведь конкретно о каждой скважине знаем далеко не все. Иной раз до обидного мало. И в результате не всегда умеем поставить точный диагноз. Скажем, закапризничала что-то у меня скважина. А может, это мне просто показалось? Так что же я делаю? Звоню на пульт управления или попросту отключаю скважину от греха подальше. Вот тебе и простой, отсюда — недобор. А новая система не позволит действовать операторам подобным образом.

В общем, согласиться с Нуркаевым согласились, но у многих в душе гнездились недоверие: мало ли их, починов, в разное время на щит поднимали? А многие ли из них прижились?

Талип Латыпович пошел в партком управления. Коммунисты единодушно поддерживали его. Через несколько дней было организовано выступление Нуркаева в городской газете «Октябрьский нефтяник», на собраниях первичных партийных организаций и общих собраниях тщательно обсудили почи.

Прошел год с небольшим. Движение подхватили многие вахты старших операторов. И одними из самых горячих последователей почина стали старшие операторы четвертой инженерно-технической службы Х. Казимов и С. Халяфеев. Казимов говорил во всеуслышанье:

— Метод Нуркаева — это не только повышение культуры производства и по-настоящему хозяйский подход к делу. Это реальный выигрыш в добыче.

А идея Нуркаева явилась творческим развитием того, что начал Казимов. Забегая вперед, можно сказать, что в конце тысяча девятьсот семьдесят девятого года были подведены итоги работы, начиная со времени осуществления лозунга «Каждой скважине — комплекс мероприятий». И лишь одним только звеном Талипа Латыповича было добыто сверх плана более тридцати тысяч тонн нефти. И в том же году старший оператор направления нефтепромысла номер один Талип Латыпович Нуркаев стал лауреатом Государственной премии СССР.

Но вернемся на несколько лет назад.

... Весть о том, что коммунисты города избрали Талипа Латыповича делегатом на XXV съезд

партии, мгновенно облетела первый промысел, Провожая его, товарищи заверили: не подведем, Латыпович, не волнуйся. И не подвели — за время работы съезда добыли несколько сот тонн нефти сверх программы.

Через несколько дней, возвратившись из Москвы и делаясь впечатлениями, Нуркаев взволнованно говорил:

— Я, как и другие делегаты, был буквально ошеломлен грандиозностью задач, поставленных в докладе Леонида Ильича Брежнева. Я, конечно, понимал, что масштабы деятельности партии огромны. Но представлял это немного умозрительно. А в зале съезда ощутил по-особенному. И еще что особенно тронуло душу — ну, тут во мне еще и фронтовик заговорил — громадное стремление к миру на земле. Мы, оказывается, еще не представляем себе все невероятные трудности и сложности, с которыми сталкивается наша партия в своей неустанной борьбе за мир. Глубоко запало в сердце и то, как говорил Леонид Ильич Брежнев — убедительно, уверенно, но и не скрывая трудностей нашего непрерывного роста.

Вскоре рядом со звездой Героя и орденом Ленина на груди Нуркаева засиял орден Октябрьской Революции за самоотверженный труд в девятой пятилетке.

Видится безусловная справедливость в том, что именно его выдвинули депутатом Верховного Совета БАССР. Его авторитет Героя Советского Союза, заслуженного нефтяника республики, неутомимого общественника, отзывчивого и обязательного человека, человека дела — вот из чего сложился, наверно, фундамент доверия к нему. Дважды в месяц он принимает избирателей, тщательно, как и положено депутату, вникает в каждый вопрос.

Обязанности человека государственного заставляют его вглядываться в судьбы отдельных людей, принимать в них участие. Ему вспоминается случай, когда накануне Дня Победы он получил трогательную открытку от четы инвалидов, которым он помог получить квартиру.

Казалось бы, не столь уж приметный случай. Но ведь, в конце концов, во главе угла деятельности любого депутата ставится забота о людях. И вот другой случай, когда уже десятки семей благодарили Нуркаева.

Октябрьский — прекрасный, цветущий город. Чистый, уютный. Он неоднократно выходил победителем в соревновании по благоустройству среди городов Башкирии и Российской Федерации. Но время идет, и — ничего не поделаешь — разработка Туймазинского месторождения вступила в заключительную фазу. Строятся мощные современные предприятия. И по мере роста города в его «периметр» постепенно оказались втянутыми пригородные деревни — Муллино, Нарышево, Зантово. И если с благоустройством пригородов — асфальтированием, водоснабжением, озеленением дело шло более или менее хорошо, то с газификацией,.. Сжиженный балонный газ? Неудобно, да и дороговато. Соответствующие организации отмахивались, в частности, от просьб жителей Нарышево газифицировать деревню, хотя тут положение с этим наиболее серьезно. Доводы были стереотипны: много возни, дома не типовые, уйма попросту деревянных домов. Можно понять обиду нарышевцев, где живет очень много нефтяников, тех, кто связал свою жизнь именно с нефтью и попутным газом. Нуркаев

приложил много сил к тому, чтобы дело сдвинулось с мертвой точки. И сейчас очень многие дома начали получать привычный, удобный в быту сетевой газ.

... Талип Латыпович — рабочий в самом высоком смысле этого слова. У него образование среднее, а вся его жизнь в нефтедобыче — это, по сути дела, непрерывная учеба. Учебно-курсовой комбинат, экономическая школа, сеть политпросвещения. А учеба практическая, каждодневная? А огромный опыт, подспудно копившийся изо дня в день? Это его настоящее профессиональное и жизненное богатство. Не зря замечательный писатель Антуан де-Сент Экзюпери говорил, что «жить — это медленно рождаться...»

В жизни ни один человек не бывает добрым и хорошим для всех. Нуркаев не исключение. Органическая неприязнь к разгильдяям, лодырям, бракоделам, любителям работать «от и до», но требовать привилегий для себя, естественно, не всем нравится. Находились неумные, снобствующие люди с «корочкой» в кармане: мол, Нуркаев обычный работяга, для нас не авторитет. Они забывали о самом существенном... Герой Советского Союза, лауреат Государственной премии, заслуженный нефтяник... Ну, что ж, ответом им может послужить известная арабская пословица насчет каравана, который продолжает идти вперед...

С 1965 года Талип Латыпович возглавляет группу народного контроля по борьбе с потерями нефти, награжден нагрудным знаком «За активную работу в органах народного контроля», грамотой Комитета народного контроля СССР.

Его трудно застать дома. Даже в выходные дни, озабоченно бросив домашним: «Съезжу-ка на промысел. Вон какой мороз ночью трещал...», спешит к своему «Спутнику» с отрядом в 24 скважины.

Привычные за тридцать лет контуры вышек, медлительные станки-качалки, так похожие на причудливых птиц.

Без этого он не представляет своей жизни.

Для старшего и среднего
школьного возраста

Руслан Акрамович Максютов

Две высоты Талипа Нуркаева

О ч е р к

Редактор *А. Филиппов*
Художественный редактор *И. Файрушин*
Технический редактор *Г. Зигангирова*
Корректор *Л. Семенова*

ИБ № 2078

Сдано в набор 18.11.82. Подписано к печати 03.01.83. Формат бумаги $70 \times 100 \frac{1}{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 2,25. Учетн.-издат. л. 1,95. Усл. кр. отт. 2,48. Тираж 50000 экз. П01102. Заказ № 288. Цена 5 коп.

Башкирское книжное издательство. Уфа-25, ул. Советская, 18. Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата Башкирской АССР, Уфа-1, проспект Октября, 2.

Максютов Р. А.

М 17   Две высоты Талипа Нуркаева. Очерк.
Уфа, Башкирское книжное издательство,
1983 г. 56 с.

В очерке описывается ратный и трудовой подвиг Героя Советского Союза заслуженного нефтяника Башкирии Талипа Латыповича Нуркаева. Лаконично, в то же время художественно ярко прослеживается судьба советского рабочего.

М $\frac{70803 - 262}{М 121 (03) - 8}$ 83

84 Р7